

КУЛЬТУРА И СОЦИУМ

DOI: 10.31857/S086919080025856-8

РЕАКЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЭФИОПИИ
НА ИЗМЕНЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ
В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ¹

© 2023

И.А. ЗАХАРОВ^a^a – Институт Африки Российской академии наук, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3838-169X; vanszax@yandex.ru

Резюме: В статье анализируются изменения государственной политики Эфиопии по отношению к религиозным организациям с фокусом на период 1855–1991 гг. Определено влияние этих изменений на структуру конфессионального пространства государства до 2015 г. Показано, что положение Эфиопской православной церкви (ЭПЦ), которая занимает особое место в истории Эфиопии, в рассматриваемый период менялось. В 1855–1930 гг. эта религиозная организация пользовалась широкой поддержкой власти, а развитие конфессионального пространства Эфиопии подчинялось принципу «одна страна, одна вера». В это время сложились три конфессиональные зоны: северо-западная православная зона, восточная мусульманская зона и юго-западная этнорелигиозная зона. Поддержка ЭПЦ проявлялась в том числе и в ограничении деятельности отличных от нее религиозных организаций. В 1930–1991 гг. религиозная политика Эфиопии ориентировалась на принцип «чья земля, того и вера». Несмотря на сохранение за ЭПЦ особого статуса, ряд исламских организаций получили с ней равные права, что позволило им расширить миссионерскую деятельность. В результате образовалась центральная поликонфессиональная зона, где основными конкурирующими религиями выступали ислам и православие. С 1991 г. религиозная политика в Эфиопии адаптировала принцип «нет границ, только люди». В это время были ликвидированы практически все правовые барьеры для работы религиозных организаций. Закономерное усиление религиозной конкуренции привело к реконфигурации конфессионального пространства страны за счет расширения деятельности «нетрадиционных» для Эфиопии конфессий, особенно протестантизма, который стал крупнейшей религией в юго-западной конфессиональной зоне и существенно расширил свое присутствие в центральной поликонфессиональной зоне. При этом в северо-западной и восточной конфессиональных зонах изменения религиозной политики носили декларативный характер, на что указывает сокращение доли религиозных меньшинств. Представляется, что обозначенные изменения способствовали росту конфликтности эфиопского общества.

Ключевые слова: Африка, конфессиональное пространство, религиозная конкуренция, религиозная политика, Эфиопия, Эфиопская православная церковь.

Для цитирования: Захаров И.А. Реакция конфессионального пространства Эфиопии на изменение религиозной политики в середине XIX – начале XXI веков. *Восток (Oriens)*. 2023. № 4. С. 198–210. DOI: 10.31857/S086919080025856-8

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00054-П.

REACTION OF ETHIOPIAN RELIGIOUS LANDSCAPE
TO THE CHANGES IN RELIGIOUS POLICY
IN THE MID-19TH – EARLY 21ST CENTURIES²

© 2023

Ivan A. ZAKHAROV ^a

^a – Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3838-169X; vanszax@yandex.ru

Abstract: *The article analyzes changes in the state policy of Ethiopia towards religious organizations in 1855–1991 and their impact on the structure of the state's religious landscape. Position of the Ethiopian Orthodox Church (EOC) has changed dramatically over this period. In 1855–1930, the EOC enjoyed broad support from the authorities which adhered to the “One country, one faith” principle. At that time, three confessional zones were formed: the Northwestern Orthodox zone, the Eastern Muslim zone and the Southwestern ethno-religious zone. The state's support of the EOC included restrictions of the activities of other religious organizations. In 1930–1991, the principle of “their homeland, their religion” influenced Ethiopian religious policy. Despite the preservation of the EOC's special status, some Islamic organizations received equal rights, which allowed them to expand their missionary activities. The Central polyconfessional zone was formed, where Islam and Orthodox Christianity were the main competing religions. After 1991, the religious policy in Ethiopia has adopted the principle “No borders, only people”. Elimination of legal barriers regarding religious organizations caused the intensification of religious competition due to the expansion of the activities of “non-traditional” faith groups, especially Protestantism, which has become the largest religion in the Southwestern confessional zone and has significantly expanded in the Central polyconfessional zone. In other confessional zones, the changes in religious policy seem to be formal. It is indicated by a decrease in the share of religious minorities which still face discrimination. It seems that these changes have contributed to the growth of conflict in the Ethiopian society.*

Keywords: Africa, religious landscape, religious competition, religious politics, Ethiopia, Ethiopian Orthodox Church.

For citation: Zakharov I.A. Reaction of Ethiopian Religious Landscape to the Changes in Religious Policy in the mid-19th – Early 21st Centuries. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 4. Pp. 198–210. DOI: 10.31857/S086919080025856-8

ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Эфиопия – одно из древнейших государств Африки, развитие которого неразрывно связано с Эфиопской православной церковью (ЭПЦ), занимающей особое место в его истории. ЭПЦ принадлежит к числу древневосточных православных нехалкидонских церквей. С момента своего возникновения ЭПЦ находилась в канонической зависимости от Коптской церкви, а статус автокефалии был обретен ею в 1959 г. В настоящей статье последователи ЭПЦ, вслед за официальной позицией Церкви, называются православными [*The Ethiopian Orthodox Tewahedo Church*, 2022].

² The research is supported by Russian Science Foundation under the grant № 19-18-00054-П.

На протяжении долгого времени ЭПЦ занимала привилегированное положение, выступая символом власти хабеша – амхарско-тиграйской этно-социальной общности³, распространившей свою власть на территорию нынешней Эфиопии уже к началу XX в. С середины XIX в. в рамках централизации управления растущей империи использовалась политика амхаризации, предполагающая распространение атрибутов культуры амхара во всех регионах Эфиопии. Особое место среди этих атрибутов заняла православная вера, получившая статус государственной [Цыпкин, Ягья, 1989]. Благодаря этому ЭПЦ пользовалась широкой поддержкой со стороны государства, в то время как деятельность многих других религиозных организаций оказалась «нежелательной». В свою очередь, без благословения Церкви эфиопские нэгусы не могли возглавить государство, а одобрение духовенством проводимой ими политики было важным фактором успешного правления.

С 1990-х гг. в Эфиопии обозначился тренд на либерализацию законодательства в отношении религиозной сферы, что привело к ликвидации правовых ограничений на деятельность религиозных организаций. С ростом уровня религиозной свободы увеличилась активность религиозных организаций, значительная часть которых до этого считалась «нетрадиционной» и подвергалась давлению со стороны государственных и иных институтов власти. Соответственно, уровень религиозной конкуренции в Эфиопии в последнее время резко увеличился [Горохов, 2020], что способствовало в том числе актуализации религиозного фактора в общественно-политической жизни страны и вовлечению в нее религиозных акторов. Эти процессы сопровождались ростом конфликтности межрелигиозных отношений в стране [Андреева, 2013; Антигегн, 2019], что вызывает определенное беспокойство на фоне растущей конфронтации религиозных и этнорелигиозных акторов в соседних странах [Захаров и др., 2020].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Изменения в сфере государственного регулирования деятельности религиозных организаций достаточно быстро привели к серьезным структурным преобразованиям конфессионального пространства Эфиопии. В рамках настоящей статьи автор ставит своей целью определить, как изменение религиозной политики, проводимой в ходе централизации Эфиопии и на современном этапе, повлияли на сдвиги в конфессиональном пространстве страны. Под конфессиональным пространством в статье понимается развивающаяся во времени система отношений, во-первых, между социальными общностями, образованными совокупностями религиозно идентифицирующих себя индивидуумов, и, во-вторых, между этими же общностями и создаваемыми в результате их деятельности культовыми и внекультовыми объектами [Горохов, 2020, с. 37]. Для достижения поставленной цели в работе рассмотрен историко-политический контекст взаимодействия религий Эфиопии с фокусом на религиозную политику, проводимую ее правителями вплоть до конца XX в., а также сдвиги в конфессиональном пространстве страны на основе доступной конфессиональной статистики.

Теоретическую базу исследования составили работы, рассматривающие особенности религиозной политики Эфиопии и специфику конфессиональных отношений в стране на разных исторических этапах. Особое значение имели труды Р.Н. Исмагиловой [Исмагилова, 2018], В.М. Кассае Ныгусие [Кассае Ныгусие, 2016], С. Каплана [Kaplan, 2021], Ю.М. Кобищанова [Кобищанов, 1981], И. Левина [Левин, 1936], Э.С. Львовой [Львова, 2009], Х.Г. Маркуса [Marcus, 1975], Т. Остебе [Østebø, 2014], С. Панхёрст [Pankhurst, 1955],

³ Генезис этой общности и политики «амхаризации», о которой речь пойдет далее, достаточно подробно рассматривается отечественным историком-эфиопистом С.Б. Чернецовым [Чернецов, 1977].

Р. Панкхёрст [Pankhurst, 1968; 1990], Г.В. Цыпкина и В.С. Ягья [Цыпкин, Ягья, 1989; Ягья, 1978; 1980] и др.

Источники конфессиональной статистики представлены базой данных The Association of Religious Data Archives [Brown, James, 2020], охватывающая период с 1800 по 2015 гг., а также переписи населения Эфиопии за 1984, 1994, 2007 гг., позволяющие получить представление о конфессиональной структуре регионов страны [Ethiopia Statistics Service, 2023].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Особенности религиозной политики в период централизации Эфиопии. Политической централизации Эфиопии предшествовал исторический период «Земане месафинт» – «эпоха или время князей» (1769–1855). Это время характеризуется усилением феодальной раздробленности, сопровождающейся конфликтами многочисленных государственных образований, сформированных по религиозному и этническому признаку. Турбулентность общественно-политической жизни сопровождалась распространением высоких эсхатологических ожиданий населения, которое готовило себя к скорейшему приходу мессии. Целью мессии должно было стать воссоздание Великой Эфиопии, которая олицетворяет «идеал христианского государства, существовавшего во времена Аксума, хотя и потускневший в результате мусульманских захватов...» [Черная Африка, 2016]. Значение этого «идеала» объясняется тем, что Аксумское царство является колыбелью восточного христианства в Эфиопии, которое было принято в качестве государственной религии уже при царе Эзана (ок. 325–360). «Очагом» распространения этой религии в государстве считается г. Аксум (северо-западный регион Тыграй), где возникли первые общины и монастыри ЭПЦ. С деятельностью Церкви было связано развитие духовной культуры, образования. В силу традиции носители амхарского языка имели значительную привилегию в получении церковного образования вплоть до середины XX в.⁴ Соответственно, распространение грамотности по большей части ограничивалось представителями народа амхара и в меньшей степени тиграи (самоназвание – тыграй), составляющими правящий класс [Pankhurst, 1990].

Теодрос II. Первые шаги на пути создания единого централизованного государства были предприняты Теодросом II (годы правления: 1855–1868) – уроженцем амхарского региона Гондар. Во время церемонии коронации, состоявшейся в 1855 г., новый император Эфиопии поклялся собрать под своей властью все провинции, которые в прошлом входили в состав империи. Главным результатом этого намерения становится присоединение королевств Шоа и Уолло.

Еще в 1854 г. взамен на поддержку в деле централизации страны император заключил договор с главой ЭПЦ абуней Сэлама III, таким образом предоставив Церкви монополию над духовной сферой в государстве. Теодрос II активно способствовал распространению христианства и следил за строгим соблюдением религиозных канонов, прибегая порой к радикальным методам. Указом 1864 г. он объявил мятежниками общины мусульман и иудеев-фалаша, которые проживали на северо-западе современной Эфиопии, в случае их отказа от перехода в православие [Цыпкин, Ягья, 1989, с. 38–45]. Параллельно с этим император попытался ограничить экономическое могущество ЭПЦ, но духовенство сумело скоординировать свои действия и дать отпор Теодросу II. За это, несмотря на свою приверженность религиозным идеалам, он был предан анафеме первосвященником⁵. Усиливающаяся в ЭПЦ критика действий императора на фоне роста недовольства фео-

⁴ Первая государственная светская школа была открыта при Менелике II только в 1908 г. До этого монополистом в сфере образования была ЭПЦ (см. подробнее: [Pankhurst, 1955]).

⁵ За это абуня был заточен в тюрьму в 1864 г., где вскоре и умер.

далов, особенно тыграйских, и изменившихся внешнеполитических условий вылилось в англо-эфиопскую войну 1867–1868 гг., повлекшую за собой гибель Теодроса II [Цыпкин, Ягья, 1989, с. 41–62].

Таким образом, разработанная Теодросом II модель централизации, помимо военной мощи, должна была опираться на объединяющую силу ЭПЦ, которая представляла собой альтернативу феодализму, базирующемуся на этническом или этнорелигиозном принципе. Однако из-за непоследовательности проведения реформ и постоянных мятежей, их закрепления не произошло, а смерть императора привела к откату страны обратно к феодальной раздробленности.

Йоханнис IV. После затяжной борьбы за власть трон занял Йоханнис IV (годы правления: 1872–1889) – один из наиболее влиятельных феодалов Тыграя. В своем правлении новый император продолжил политику централизации государства, сохранив приверженность принципу «одна страна, одна вера», принятый его предшественником. Йоханнис IV предпринимает решительные действия по объединению церкви, которая столкнулась с проблемой раскольников. Создание объединенной церкви стало возможным после 1878 г., когда был созван собор в Бору-Меда, предавший ереси анафеме и провозгласивший толк «тоухадо» – отсюда название Эфиопской православной церкви «Соединения» (Тоухадо). Преодоление раскола церкви сопровождалось серьезной поддержкой ЭПЦ и усилением фаворитистской религиозной политики. В частности, властями были изданы законы, предписывающие нехристианам перейти в «истинную веру»; для мусульман в течение 2 лет, для последователей других религий – в течение 5 лет. При этом для представителей политической элиты переход в христианство должен был быть незамедлительным [Gabre Sellasie, 1975, p. 58]. Более того, в 1879–1899 гг. ислам в Эфиопии и вовсе оказался под запретом, что сопровождалось уничтожением многих мусульманских реликвий, культовых сооружений, рукописей и т.п., а также обострением отношений между мусульманами и христианами [Ahmed, 2020].

В это время происходит укрепление церковной иерархии. В 1881 г. Йоханнис IV смог добиться от Александрийского синода направления сразу четырех абун в Эфиопию. Параллельно с этим усиливаются преследования зарубежных миссионеров, которые, по мнению императора, несли угрозу целостности государства⁶. Для консолидации народов растущей империи Йоханнис IV, несмотря на этническую принадлежность императора и его окружения, всячески поощрял распространение ахмарского языка и использовал его в международной корреспонденции.

Таким образом, Йоханнис IV достиг существенных успехов централизации Эфиопии, что стало важным условием для сохранения независимости от европейских держав [Gabre Sellasie, 1975, p. 161]. Однако полному осуществлению планов по укреплению централизованной власти помешали неблагоприятные внешнеполитические условия – война с Италией и Махдистским Суданом⁷, способствовавшими усилению оппозиции в лице Менелика.

Менелик II. Централизация власти в Эфиопии ассоциируются с именем Менелика II (годы правления: 1889–1913) – правителя Шоа, сумевшим одержать победу над итальянцами. По мнению С. Панхерст, именно с этого правителя начинается современная Эфиопия [Pankhurst, 1955, p. 73]. Действительно, при нем были проведены важные реформы, в т.ч. денежная, налоговая и др., феодальные правители окончательно признали власть императора, была создана столица государства – г. Аддис-Абеба, а границы Эфиопии приблизились к современной конфигурации.

⁶ Им разрешалось работать только среди язычников, проживающих в периферийных районах.

⁷ Йоханнис получил смертельное ранение в сражении при Мэтэмэ в 1889 г.

В отличие от предшественников, религиозная политика Менелика II, выходящая из поликонфессионального Шоа, была более либеральной и терпимой к нехристианам [Marcus, 1975]. Тем не менее осуществление контроля над расширенной территорией Эфиопии в целом по-прежнему подчинялось принципу «одна страна, одна вера», заложенному его предшественниками – большое внимание Менелик II и его правительство⁸ уделяло политике амхаризации, которая особенно сильно затронула оромо и народы присоединенных территорий. Амхаризация предполагала ассимиляцию народов за счет распространения культуры, в первую очередь православия и амхарского языка. Хотя некоторые наиболее могущественные правители, ставшие вассалами императора, могли сохранить свою власть, во главу большинства из провинций государства были поставлены «люди императора» – как правило, христиане-амхара или «амхаризированные» христиане-оромо [Oliver, Sanderson, 1985, p. 664; Omer, 2002].

Иясу V. После смерти Менелика II Эфиопию возглавляет внук императора лидж⁹ Иясу (годы правления: 1913–1916) – кандидатура, вызывающая сомнения у представителей знати, так как его приход к власти усилил бы позиции оромо-мусульманской элиты из провинции Уолло. Несмотря на это, решение о передаче трона Иясу все же было принято.

Политика Иясу V часто характеризуется как «происламская» – он прилагал усилия по налаживанию военно-политических связей с мусульманскими элитами в Эфиопии и за его пределами, что якобы имело своей целью исламизировать страну. Это вызвало недовольство ЭПЦ (в конце правления лидж и его сторонники были отлучены от Церкви) и спровоцировало дестабилизацию внутривластной обстановки, чему активно содействовали Великобритания, Франция и Италия. Недолгое правление Иясу завершилось государственным переворотом, осуществленным во время главного церковного праздника Мэскэль, который символизирует в т.ч. победу христианства над исламом [Kaplan, 2021]. Тем не менее, как было показано В.С. Ягья, в действительности Иясу V стремился наладить эффективную систему управления, основанную на приеме равновесия власти, что нашло свое выражение в поддержке мусульманского духовенства, а не только ЭПЦ [Ягья, 1980]. Таким образом, в это время в религиозной политике впервые обозначился принцип «чья земля, того и вера».

Хайле Селассие I. За свержением Иясу V *de jure* последовало установление двоевластия – престол заняла дочь Менелика II Зоудиту (годы правления: 1916–1930), которая управляла страной совместно с регентом расом¹⁰ Тэфэри Мэконныном (будущим Хайле Селассие I). С этими правителями ассоциируются движения староэфиопов (староабисинцев) и младоэфиопов (младоабисинцев): первые видели своим лидером Зоудиту, последние – Тэфэри Мэконнына. Эти движения отличались главным образом тем, что староэфиопы противились централизации Эфиопии, а младоэфиопы, напротив, видели ее своей главной целью, которая могла быть достигнута путем установления абсолютной монархии [Ягья, 1978, с. 40–41]. В контексте взаимодействия с религиозными организациями Зоудиту в своей политике стремилась сохранить самостоятельность и влияние ЭПЦ, а Тэфэри Мэконнын желал подчинить ее своей воле.

После смерти Зоудиту в 1930 г. трон официально занимает Хайле Селассие I (годы правления: 1930–1974), при котором устанавливается сильная централизованная система власти. Император сохраняет привилегированное положение амхарской культуры и ЭПЦ,

⁸ С 1907 г. император начинает управлять страной через созданный и утвержденный им кабинет министров, насчитывающий девять членов (См. подобное: [Кобищанов, 1981]).

⁹ Лидж (амх. ребенок) – феодальный титул в Эфиопии, передающийся сыновьям месафинта (князя или принца).

¹⁰ Рас (амх. глава) – феодальный титул в Эфиопии, сопоставимый с герцогским.

однако, стремясь к установлению абсолютной монархии, прилагает усилия по ограничению влияния Церкви. Так, в 1942 г. вводится «Постановление о церковной администрации», предполагающее ограничение юрисдикции церкви, введение централизации в церковное управление, повышение прозрачности финансовой деятельности ЭПЦ, взимание налогов со всех церковных земель и др. Кроме этого, государство начинает активно участвовать в подготовке и назначении на церковные должности священнослужителей, а также реорганизует учебную программу в церковных и миссионерских школах. Параллельно с этим император добивается автокефалии ЭПЦ, которая была получена в 1959 г. с соглашения коптского синода. Возглавивший ЭПЦ абуна Василиос – первый со времен Аксума эфиоп во главе церкви – сосредоточил церковно-административную и духовную власть в стране, благодаря чему Хайле Селассие в определенной степени обезопасил себя от влияния через Коптскую церковь, а также от роста оппозиционных взглядов внутри страны [Кассеа Ныгусие, 2016, с. 162–163; 194–195].

Хайле Селассие I достиг существенных успехов в подчинении ЭПЦ собственной власти и национальным интересам Эфиопии. Вместе с этим снижение влияния ЭПЦ на политику государства позволило императору в непростых внешнеполитических условиях наладить связи с мусульманскими странами [Кассеа Ныгусие, 2016, с. 254] – как показывает пример Иясу V, для его предшественников это было практически невозможно. Более того, в соответствии с первой конституцией Эфиопии (1931) религиозные общины обрели равные права. Мусульмане при этом получили возможность занимать административные и военные посты. Император содействовал образованию мусульманской молодежи, жертвовал средства на строительство мечетей и др. Усилия властей по налаживанию отношений с мусульманской элитой сыграли важную роль в сохранении независимости и территориальной целостности Эфиопии в период экспансии Италии [Левин, 1936, с. 111–114].

Тем не менее Хайле Селассие уделял большое внимание православной традиции и впоследствии продолжил фаворитистскую религиозную политику своих предшественников [Дыпкин, Ягья, 1989, с. 155]). Так, в 1955 г. была принята новая конституция, которая закрепила за ЭПЦ статус государственной церкви, а правительство получило возможность существенно ограничивать деятельность религиозных организаций. В новом Уголовном кодексе получили распространение видоизмененные положения из Фытха нэгест (Закон Царей) – теократического свода законов, выросшего из Коптской христианской традиции [Singer, 1970, p. 73–125].

Таким образом, при Хайле Селассие I доминирующее положение ЭПЦ сохранилось. Более того, представители духовенства заняли важные позиции в административном аппарате, а выработанные этой религиозной традицией общественно-правовые нормы распространились на всю территорию государства.

Менгисту Хайле Мариам. Рост социальной напряженности и недовольства, особенно со стороны увеличившейся мусульманской общины, в итоге привел к захвату власти «Дерг» – Высшим военным административным советом (ВВАС) в 1974 г. ВВАС ставил своей задачей избавление Эфиопии от пережитков феодализма, нищеты, неравенства, дискриминации и установление социалистического пути развития. Впоследствии власть в стране оказалась сконцентрирована в руках Менгисту Хайле Мариам (годы правления: 1977–1991), уроженца южной провинции Кефа из народа консо позиционирующего себя как бариа (*baria* – раб) в контраст к привилегированным амхара. Менгисту таким образом становится первым правителем нехабеша централизованной Эфиопии, который, *согласно официальной позиции*, еще и отрекся от ЭПЦ [Kissi, 2006, p. 30–31].

С приходом к власти ВВАС в стране было приостановлено действие конституции и объявлено равноправие религиозных организаций, которые должны были стать важным

инструментом достижения внутри- и внешнеполитических целей революции. Позитивно эти изменения сказались на положении ислама, который получил возможности повысить свое присутствие в публичной сфере. Так, важнейшие мусульманские праздники получили статус государственных, а глава уммы стал присутствовать на государственных мероприятиях совместно с первосвященником ЭПЦ. В целях консолидации мусульманской общины правительством был создан Высший исламский совет во главе с имамом Большой мечети в столице Эфиопии. Несмотря на то, что эта организация не пользовалась широкой поддержкой эфиопских мусульман, она способствовала экспансии ислама, который получил распространение в центральной и южной частях Эфиопии. При этом ЭПЦ лишилась привилегий, которыми она пользовалась раньше, часть ее имущества была конфискована, а ее внекультовая деятельность ограничена [Ягья, 1978; Abbink, 1998].

Вмешательство государства в религиозную сферу в это время было существенным. Менгисту оказывал давление на кадровую политику ЭПЦ, благодаря чему в руководстве Церкви возникла прослойка лояльных правительству людей, в том числе и на высших церковных должностях. Так, вместо арестованного абуны Феофила в 1976 г. был назначен абуна Такла Хайманот, который вопреки ожиданиям властей не оказывал содействия режиму и после смерти был заменен лояльным абуной Меркурием в 1988 г. Подчинение религиозных организаций центральной власти зачастую осуществлялось насильственными методами, давлением на духовенство, сопровождающимся дискриминацией на религиозной почве и атеистической пропагандой. Это затронуло все религиозные группы, но особенно меньшинства, в первую очередь иудаистов-фалаша [Møller, 2006], последователей Эфиопской евангелической церкви Мекане Йесус [Øyvind, 2000], мусульман и другие общины, воспринимаемые как «угроза революции» [Цыпкин, Ягья, 1989, с. 352–368]. Все это вкупе с засухами привело к масштабному оттоку верующих из Эфиопии, потоки которых были направлены в Судан, Сомали, Саудовскую Аравию и др., а также в страны Европы [Агафшин, Горохов, 2020]. При этом власти по-прежнему признавали влияние ЭПЦ на население и оказывали ей поддержку, в т.ч. финансовую [Цыпкин, Ягья, 1989, с. 350]. Благодаря этому доля православных в населении Эфиопии к середине 1980-х гг. достигла своего исторического максимума, а положение христиан в управлении страной оставалось доминирующим [Львова, 2009, с. 180].

После свержения Менгисту в 1991 г. в Эфиопии была принята новая конституция (1995), в которой закрепляется свобода вероисповедания, а религиозные организации получают возможность открыто действовать на территории всей страны. Эти изменения сопровождались стремительными структурными преобразованиями в конфессиональном пространстве Эфиопии.

Динамика конфессионального пространства Эфиопии. К концу XIX в. в конфессиональном пространстве Эфиопии выделялось три конфессиональные зоны: (1) северо-западная православная зона – территория господства ЭПЦ, включающая современные регионы Амхара и Тыграй, в пределах которой миссионерская деятельность иноверцев фактически находилась под запретом, а существовавшие здесь, в первую очередь в городах, мусульманские общины, занятые в торговле, а также общины иудаистов-фалаша подвергались христианизации; (2) восточная мусульманская зона, включающая регионы Сомали, Афар, Дыре-Дауа, Харари, в которые миссионеры если и проникали, то значимых успехов достигали редко. Тем не менее здесь существовали достаточно влиятельные христианские общины, сложившиеся как центры православной культуры или выступающие в качестве административной «верхушки» при Менелике II; (3) юго-западная этнорелигиозная¹¹ зона,

¹¹ Под этническими религиями или этнорелигиями автором понимаются традиционные верования отдельных этносов, которые практически не выходят за пределы последних.

включающая центральные и южные регионы Эфиопии, в которых абсолютно преобладали последователи этнорелигий, где миссионерская деятельность была разрешена и даже поощрялась.

В XX в., особенно после 1930 г., конфессиональное пространство Эфиопии начинает достаточно быстро меняться прежде всего за счет конверсии последователей этнорелигий в христианство и ислам. С 1916 по 1974 гг. доля христиан в населении страны выросла с 39,0 до 53,9% (в первую очередь благодаря увеличению православной общины, чья доля в населении выросла с 36,0 до 48,0%), мусульман – с 25,0 до 32,3%, а доля последователей этнорелигий, соответственно, снизилась с 33,5 до 13,6% (см. табл.). В пространственном отношении эти изменения привели, во-первых, к сжатию юго-западной этнорелигиозной зоны (Гамбела, Регион народов юго-запада Эфиопии, Регион наций, национальностей и народов юга, Сидама), во-вторых, к образованию центральной поликонфессиональной зоны (Оромия, Бенешангуль-Гумуз, Аддис-Абеба), в которой этнорелигии активно замещались исламом и христианством. При этом ЭПЦ, пользуясь покровительством правительства, закрепились в крупных населенных пунктах южных и восточных регионов Эфиопии.

При Менгисту динамика конфессиональной структуры населения замедлилась, но определенные изменения все же происходили (см. табл.). Несмотря на провозглашение равноправия христианства и ислама, экспансия последнего, судя по резкому снижению темпов роста численности мусульман, все же была ограничена. В то же время христианская община сохранила тенденцию к росту, который был обеспечен прежде всего протестантскими церквями, а также ЭПЦ, которые увеличили долю своих последователей в населении на 2,9% и 2,7% соответственно. Экспансия христианства и в меньшей степени ислама обеспечивалась конверсией адептов этнорелигий, чья доля в населении снизилась с 13,6 до 5,8%.

Таблица. Динамика доли крупнейших религиозных общин в населении Эфиопии (%), 1855–2015 гг.
Составлено по: [Brown, James, 2020].

Год	1855	1872	1889	1916	1930	1974	1991	2015
Христиане	35,6	35,8	36,4	39,0	41,1	53,9	59,7	63,5
<i>в т.ч.: православные</i>	35,1	35,1	35,1	36,0	36,7	48,0	50,7	39,1
протестанты	0,0	0,4	0,9	2,8	4,2	5,3	8,2	23,8
католики	0,5	0,4	0,4	0,2	0,2	0,5	0,7	0,7
Мусульмане	20,3	21,6	22,9	25,0	26,0	32,3	33,6	34,6
<i>в т.ч. несунниты</i>	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,3	0,8
Последователи этнорелигий	36,0	36,0	36,0	33,5	31,3	13,6	5,8	1,4
Другие	8,1	6,5	4,8	2,5	1,6	0,3	0,9	0,5

В результате этих изменений центральная поликонфессиональная зона оказалась фактически разделена между христианством и исламом. В то же время в юго-западной этноконфессиональной зоне начала разворачиваться деятельность православных и протестантских миссионеров, что способствовало росту религиозной мозаичности в этой части страны. В северо-западной православной зоне наблюдалась противоположная тенденция, обеспеченная вытеснением и «самостоятельной аккультурацией» иудаистов-фалаша, протестантов и других меньшинств [Труды, 1997, с. 127]. Аналогичные процессы наблюдались

и в восточной мусульманской зоне. Таким образом, статистические данные указывают на том, что официальная религиозная политика Менгисту носила формальный характер, а развитие конфессионального пространства страны по-прежнему было подчинено принципу «чья земля, того и вера». Это было особенно характерно для тех регионов Эфиопии, где православие и ислам считаются «традиционными» религиями.

Изменения религиозной политики в 1990-х гг., судя по статистическим данным, не носили декларативного характера, а действительно открыли возможности для работы «нетрадиционных» конфессий. Так, в 1991–2015 гг. произошел стремительный рост доли протестантов с 8,2 до 23,8%, обеспеченный в т.ч. за счет конверсии православных, чья доля в населении снизилась до 39,1%. Заметим, что до либерализации религиозной политики такая ситуация для Эфиопии была невозможна. Доля мусульман в населении страны продолжила медленно увеличиваться с 33,6 до 34,6%, при этом выросла доля новых для Эфиопии направлений ислама [Østebø, 2014, p. 165–184]. Результаты экспедиций отечественных исследователей в Эфиопию в 1991–92 и 2006 гг. свидетельствуют о том, что это связано с активизацией мусульманских миссионеров из Саудовской Аравии и других стран. При этом вовлеченность ислама в политические процессы, образование и культуру увеличивается, особенно в центральной части Эфиопии [Труды, 2011, с. 47–51].

Тем не менее, несмотря на либерализацию религиозной политики, в последнее время дискриминация религиозных меньшинств усиливается, что стало особенно характерно для северо-западной и восточной конфессиональных зон. Здесь положение меньшинств оставалось достаточно уязвимым на протяжении всего рассмотренного периода времени, а доля их последователей продолжает сокращаться [Ethiopia Statistics Service, 2023].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рассматриваемый период изменения государственной политики по отношению к религиозным организациям сопровождались реконfigurацией конфессионального пространства страны. Его развитие в 1855–1930 гг. в целом подчинялось принципу, который можно условно выразить в формуле: «одна страна, одна вера». Соотношение численности религиозных общин в это время менялось довольно медленно, а в конфессиональном пространстве страны сформировалось три конфессиональные зоны: северо-западная православная зона, восточная мусульманская зона и юго-западная этнорелигиозная зона. При этом ЭПЦ пользовалась серьезной поддержкой со стороны государства даже за пределами своего «исторического ядра», а остальные религиозные организации занимали подчиненное положение.

В 1930–1991 гг. в государственной политике по отношению к религиозным организациям определенное значение приобретает принцип «чья земля, того и вера», при котором религии, считающиеся «традиционными» для тех или иных регионов, стали пользоваться поддержкой местных властей. В это время, несмотря на сохранение за ЭПЦ особого статуса, ряд исламских организаций получили с ней равные права. Активизация как мусульманских, так и православных миссионеров, работающих прежде всего в центральной части страны, привело к постепенной реконfigurации конфессионального пространства Эфиопии – из юго-западной этнорелигиозной зоны выделилась центральная поликонфессиональная зона, где основными конкурирующими религиями стали ислам и православие.

С 1991 г. государственная политика Эфиопии по отношению к религиозным организациям претерпела либерализацию, что привело к адаптации принципа «нет границ, только люди». В это время были ликвидированы практически все правовые барьеры, запрещающие или ограничивающие деятельность религиозных организаций. Это закономерно привело

к интенсификации религиозной конкуренции, в которой все активнее стали подключаться новые для Эфиопии конфессии. Особенно заметны эти сдвиги становятся при взгляде на протестантизм. Так, если до 1990-х гг. его последователи составляли незначительное меньшинство, то в настоящее время они составляют почти четверть населения страны. Достаточно быстро протестантизм стал крупнейшей религией в юго-западной конфессиональной зоне и существенно расширил свое присутствие в центральной поликонфессиональной зоне, что привело к росту их религиозной мозаичности. В то же время в северо-западной православной зоне и восточной мусульманской зоне наблюдалось некоторое снижение религиозной мозаичности за счет вытеснения религиозных меньшинств.

Таким образом, трансформация подходов к государственному регулированию деятельности религиозных организаций в Эфиопии спровоцировала стремительные преобразования конфессионального пространства страны. Это находит свое отражение не только в изменении соотношения численности религиозных общин и реконфигурации конфессиональных зон – параметрам, подчиняющихся эмпирическому измерению, но и в более глубинных сдвигах, формализация которых затруднительна. Эти сдвиги проявились в том числе в росте конфликтности, которая усилилась в ходе интенсификации конкуренции между религиозными организациями, а также между этническими и этнорелигиозными движениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Агафосин М.М., Горохов С.А. Влияние внешней миграции на формирование конфессиональной структуры населения Швеции. *Балтийский регион*. 2020. Т. 12. № 2. С. 84–99 [Agafoshin M.M., Gorokhov S.A. Impact of External Migration on Changes in the Swedish Religious Landscape. *Baltic Region*. 2020. No. 2. Pp. 84–99 (in Russian)].

Андреева Л.А. Христианство в Тропической Африке (по данным социологических исследований). *Азия и Африка сегодня*. 2013. No. 3. С. 38–40 [Andreeva L.A. Christianity in Tropical Africa. *Asia and Africa Today*. 2013. No. 3. Pp. 38–40 (in Russian)].

Антигегн Г.К. Оценка религиозной ситуации, мира и конфликта в Эфиопии после 1991 г. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. Т. 19. № 4. С. 607–614 [Antigegn G.K. An Assessment of Religion, Peace and Conflict in the Post 1991 of Ethiopia. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019. Vol. 19. No. 4. Pp. 607–614 (in Russian)].

Горохов С.А. *География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства*. М.: Юнити-Дана, 2020 [Gorokhov S.A. *Geography of Religions: Development Cycles of the Global Religious Landscape*. Moscow: Unity-Dana, 2020 (in Russian)].

Захаров И.А., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Роль религиозного фактора в формировании конфликтных зон в Африке. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*. 2020. № 4. С. 640–653 [Zakharov I.A., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. The Role of the Religious Factor in the Formation of Conflict Zones in Africa. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*. 2020. No. 4. Pp. 640–653 (in Russian)].

Исмаилова Р.Н. *Эфиопия: особенности федерализма*. М.: Институт Африки РАН, 2018. Ismagilova R.N. *Ethiopia: Specific Features of Federalism*. Moscow: Institute for African Studies RAS, 2018 (in Russian)].

Кассае Ныгусие В.М. *Хайле Селассие I – Император Эфиопии*. М.: РУДН, 2016 [Kassae Nygusie W.M. *Haile Selassie I – Emperor of Ethiopia*. Moscow: RUDN, 2016 (in Russian)].

Кобищанов Ю.М. Политическая жизнь Эфиопии в 1907–1910 гг. (по архивным материалам). *Эфиопские исследования. История. Культура*. Отв. ред. Ан.А. Громыко. М.: Институт Африки РАН, 1981 [Kobishchanov Y.M. Political Life of Ethiopia in 1907–1910 (Based on Archival Materials).

Ethiopian Studies. History. Culture. An.A. Gromyko (ed.). Moscow: Institute for African Studies RAS, 1981 (in Russian)].

Левин И. *Современная Абиссиния. Социальные сдвиги и политические реформы.* М.: Соцэкгиз, 1936 [Levin I. *Contemporary Abyssinia. Social Shifts and Political Reforms.* Moscow: Sotsekiz, 1934 (in Russian)].

Львова Э.С. *Эта многоликая Эфиопия: очерки по истории, культуре, этнографии.* М.: Ключ-С, 2009 [Lvova E.S. *This Many-Faced Ethiopia. Essays on the History, Culture and Ethnography of Ethiopia.* Moscow: Klyuch-S, 2009 (in Russian)].

Труды российской историко-этно-социологической экспедиции в Эфиопию в 1990–1992 гг. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1997 [Proceedings of Russian Historical, Ethnographic and Sociological Expeditions to Ethiopia in 1990–1992. Moscow: Vostochnaya literatura, 1997 (in Russian)].

Цыпкин Г.В., Ягья В.С. *История Эфиопии в новое и новейшее время.* М.: Наука, 1989 [Tsypkin G.V., Yagya V.S. *Modern and Contemporary History of Ethiopia.* Moscow: Nauka, 1989 (in Russian)].

Черная Африка: прошлое и настоящее. Под ред. А.С. Балезина, С.В. Мазова, И.И. Филатовой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016 [Black Africa: Past and Present. A.S. Balezin, S.V. Mazov, I.I. Filatova (eds.). Moscow: Russky fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2016 (in Russian)].

Чернецов С.Г. Кто такие амхара? Опыт исторического обзора термина и его содержания. *Этническая история Африки: Доколониальный период.* Отв. ред. Д.А. Ольдерогге. М.: Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1977. С. 18–45 [Chernetsov S.G. Who are the Amhara? A Case of Historical Review of the Term and its Content. *Ethnic History of Africa: Precolonial Period.* D.A. Oldorogge (ed.) Moscow: Institut etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya, 1977. Pp. 18–45 (in Russian)].

Ягья В.С. Лидж Иясу – преемник Менелика II на эфиопском троне (1913–1916). *Страны и народы Востока. Выпуск XXI. Африка. География, этнография, история.* М.: Наука, 1980. С. 108–127 [Yagya V.S. Lij Iyasu – Menelik II's Successor on the Ethiopian Throne. *Countries and Peoples of the East. Issue XXI. Africa: Geography, Ethnography, History.* Moscow: Nauka, 1980. Pp. 108–127 (in Russian)].

Ягья В.С. *Эфиопия в новейшее время.* М.: Наука, 1978 [Yagya V.S. *Ethiopia in the Contemporary Times.* Moscow: Nauka, 1978 (in Russian)].

Abbbk J. An Historical-Antropological Approach to Islam in Ethiopia: Issues of Identity and Politics. *Journal of African Cultural Studies.* 1998. No. 2. Pp. 109–124.

Ahmed H. *Islam in Nineteenth-Century Wallo, Ethiopia: Revival, Reform and Reaction.* Leiden: Brill, 2000.

Brown D., James P. *Religious Characteristics of States Dataset Project – Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries Only.* 2020.

Ethiopia Statistics Service. 2023. URL: <http://www.statsethiopia.gov.et> (accessed: 07.02.2023).

Gabre Sellasie Z. *Yohannes of Ethiopia. A Political Biography.* Oxford, 1975.

Kaplan S. The Exaltation of Holy Cross and the Deposition of the Emperor of Ethiopia: Lej Iyasu a Mäsqäl Drama. *Northeast African Studies.* 2021. No. 1. Pp. 1–18.

Kissi E. *Revolution and Genocide in Ethiopia and Cambodia.* Lanham: Lexington Books, 2006.

Marcus H.G. *The Life and Times of Menelik II. Ethiopia 1844–1913.* Oxford: Clarendon Press, 1975.

Møller B. *Religion and Conflict in Africa with a Special Focus on East Africa. DIIS Report.* Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2006.

Oliver R., Sanderson G. *The Cambridge History of Africa. Vol. VI: 1870–1905.* Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Omer A.H. Emperor Menelik's Attempts Towards Political Integration: Case Study from North-Eastern Shoa (Ethiopia), 1889–1906. *Annales d'Éthiopie.* 2002. No. 18. Pp. 231–243.

Østebø T. Salafism, State-Politics, and the Question of “Extremism” in Ethiopia. *Comparative Islamic Studies.* 2014. No. 1–2. Pp. 165–184.

Øyvind M.E. *Revolution & Religion in Ethiopia: The Growth & Persecution of the Mekane Yesus Church, 1974–85*. Addis Ababa: Addis Ababa University, 2000.

Pankhurst R. *Economic History of Ethiopia 1800–1935*. Addis Ababa: Haile Sellassie I University Press, 1968.

Pankhurst R. *A Social History of Ethiopia*. Addis Ababa: Addis Ababa University, 1990.

Pankhurst S. *Ethiopia. A Cultural History*. Woodford Green, Essex: Lalibela House, 1955.

Singer N.J. Modernization of Law in Ethiopia: a Study in Process and Personal Values. *Harvard International Law Journal*. 1970. No. 11. Pp. 73–125.

The Ethiopian Orthodox Tewahedo Church. URL: <https://ethiopianorthodox.org/english/dogma/monodyo.html> (accessed: 23.12.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЗАХАРОВ Иван Андреевич – кандидат
географических наук, старший научный
сотрудник, Институт Африки РАН, Москва,
Россия.

Ivan A. ZAKHAROV, PhD (Geography), Senior
Research Fellow, Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.